

Phil 1135.125

КН. СЕРГѢЙ ТРУБЕЦКОЙ.

МЕТАФИЗИКА

ВЪ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦІИ.

МОСКВА.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ У А. ЛАНГЪ,

Кузнецкій мостъ, д. н. Гагарина.

1890.

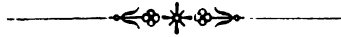
Jeremiah Curtin.

КН. СЕРГѢЙ ТРУБЕЦКОЙ.

S. N. Trubetskoi

МЕТАФИЗИКА

ВЪ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦІИ.

МОСКВА.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ У А. ЛАНГЪ,

Кузнечій мостъ, д. н. Гатарина.

1890.

Phil 1135.125

1990-43

Harvard College Library
Sept. 8, 1914
Bequest of
Jeremiah Curtin

BOUND MAY 21 1914

Печатать разрешается. Москва, 22-го декабря 1889 г.
Ректоръ Университета Г. Ивановъ.

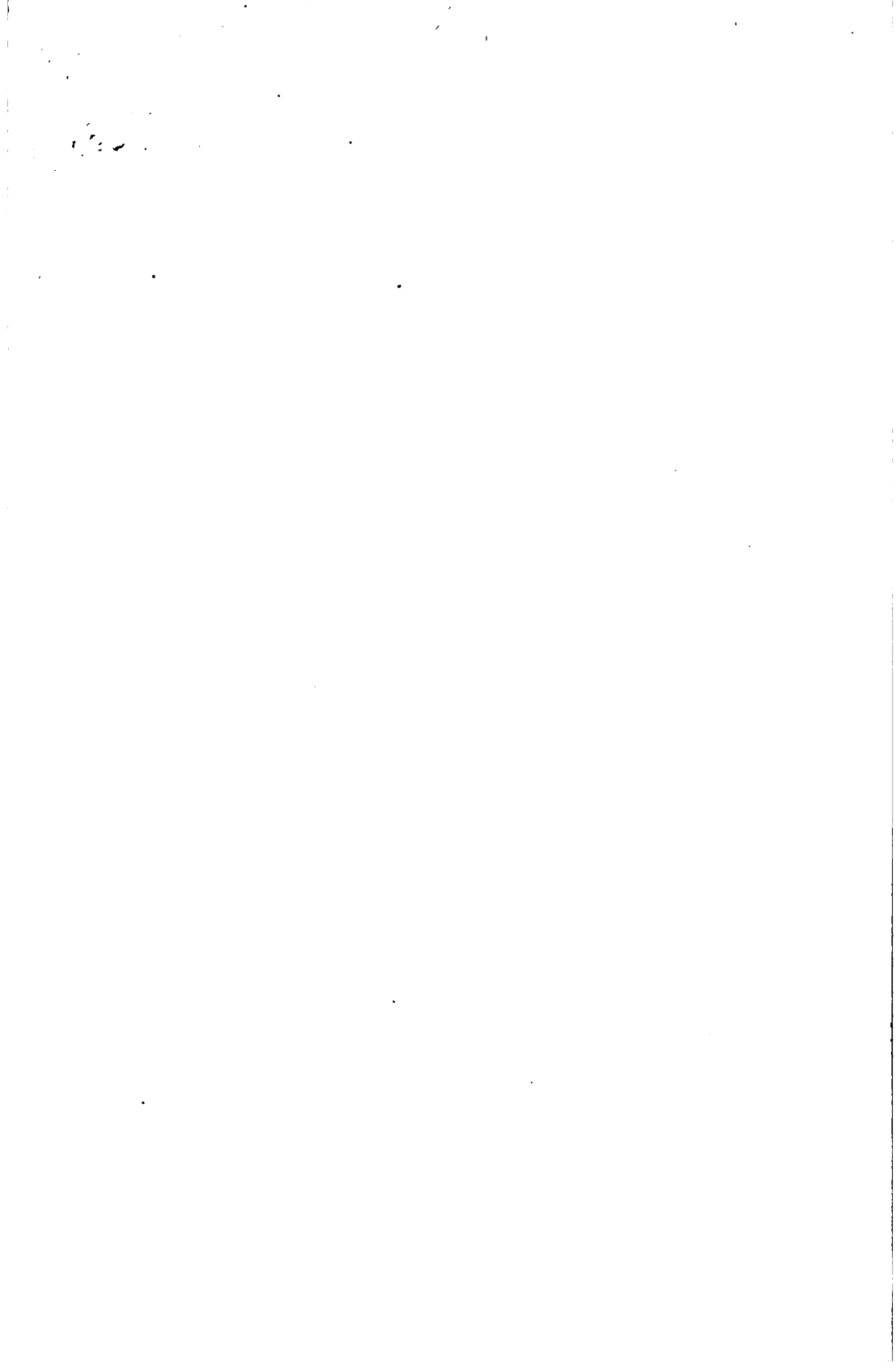
ТИПОГРАФІЯ Э. ЛИСНЕРА И Ю. РОМАНА,
Воздвиженка, Крестовоздвиж. пер., д. Лиснера.

Посвящается

моей матери

Княгини Софьи Алексеевны

Трубецкой.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стран.</i>
Введеніе	1

ГЛАВА I.

Метафизина въ религіи греновъ.

Общія замѣчанія	48
---------------------------	----

А. Теогонія греческихъ боговъ.

1. Теогоническій процессъ по Гезіоду. Уранъ, Кронось, Зевсь	54
2. Дальѣйшее изложеніе теогоническаго процесса. — Теогонія въ народнои миѳологіи	65
3. Теогоническое умозрѣніе: Ферекидъ, Эпименидъ, орфики и философы	74

В. Боги, полубоги, души.

1. Боги въ помѣстныхъ культахъ	83
2. Полубоги — герои и демоны	95
3. Души	103

В. Богослуженіе.

Жертвоприношенія, идолопочитаніе, мантика.	106
--	-----

Г. Мистеріи.

1. Происхожденіе мистерій	118
2. Боги критскихъ и элевсинскихъ мистерій	122
3. Общее значеніе мистерій въ греческой религіи	136

Общіе выводы. Религія и философія	141
---	-----

ГЛАВА II.

Милетская школа.

1. Фалесъ	151
2. Анаксимандръ	154
3. Анаксименъ	160

ГЛАВА III.

Пифагорейство.

1. Источники пифагорейства.	167
2. Первоначальный характеръ пифагорейскаго союза.	175

	<i>Стран.</i>
3. Философскія начала пифагорейцевъ	186
4. Метафизика числа	192
5. Дальнѣйшее изложене матафизики чиселъ	200
6. Физика и космологія	211
7. Психологія пифагорейцевъ	220
8. Заключение	225

ГЛАВА IV.

Геранлитъ.

1. Философія абсолютнаго процесса	234
2. Огненное слово (логосъ) Гераклита	242
3. Физика Гераклита	248
4. Психологія, этика и религія	252
5. Результаты философін Гераклита	262

ГЛАВА V.

Элейская школа.

1. Философія абсолютной субстанціи	266
2. Ксенофанъ	268
3. Парменидъ	273
4. Зенонъ	286
5. Мелисъ	296

ГЛАВА VI.

Эмпедоклъ.

1. Начала философін Эмпедокла	303
2. Четыре стихіи	308
3. Любовь и вражда въ мировомъ процессѣ	312
4. Оцѣнка ученія Эмпедокла	325

ГЛАВА VII.

Атомисты и атомизмъ.

1. Историческое значене атомизма	332
2. Метафизика атомизма	338
3. Матерія и движеніе. Космологія атомизма	344
4. Ученіе Демокрита о богахъ и о магіи	355
5. Критика атомизма	364

ГЛАВА VIII.

Анаксагоръ.

1. Ученіе Анаксагора о матеріи	376
2. Ученіе Анаксагора объ Умѣ или Духѣ	384
3. Результаты философін Анаксагора	392

ГЛАВА IX.

С о ф и с т ы 402

1. Теоретическій нигилизмъ софистовъ 407
2. Практический субъективизмъ софистовъ 420

ГЛАВА X.

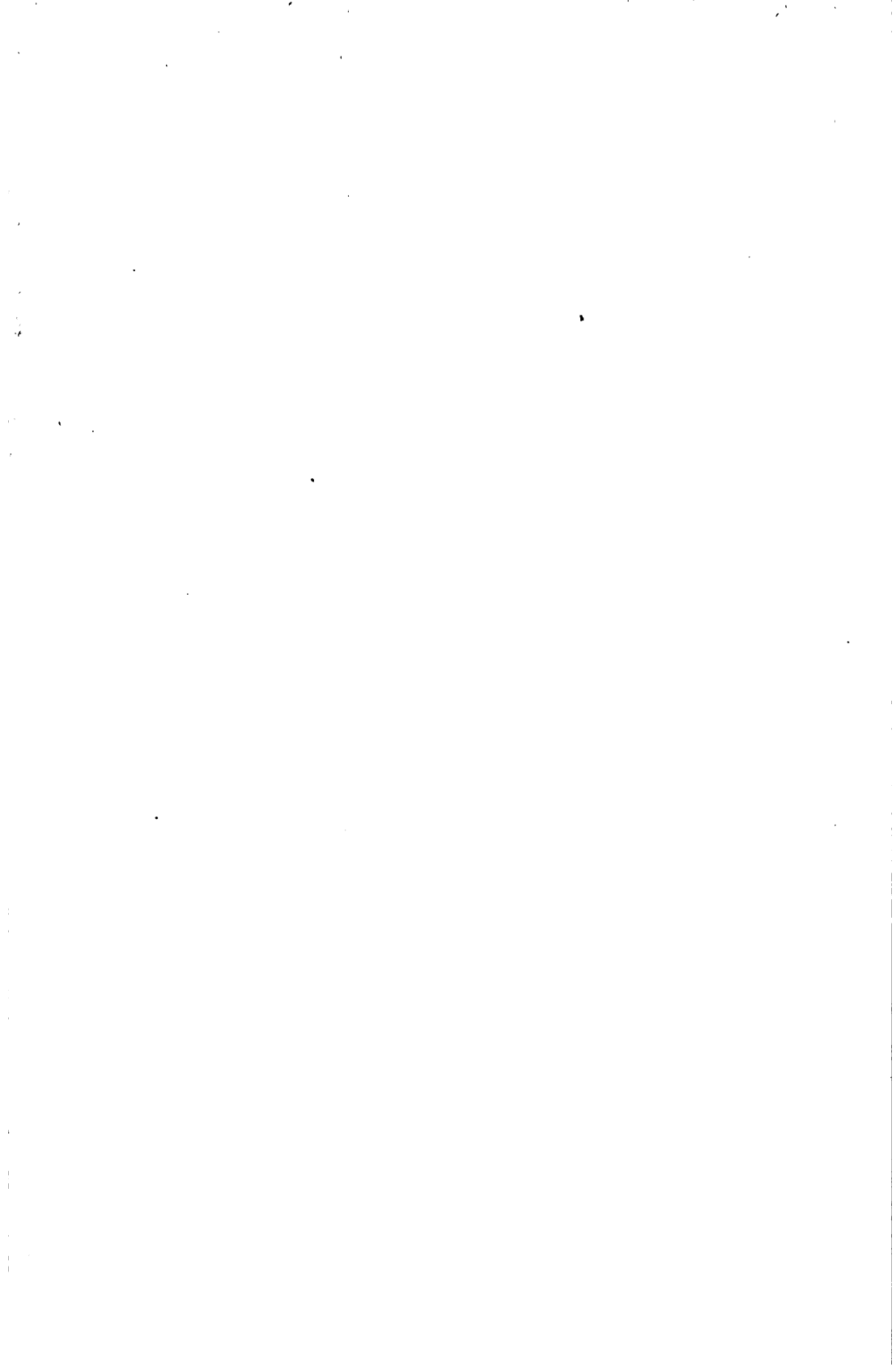
С о к р а т ъ.

1. Общее значеніе дѣятельности Сократа 432
2. Ученіе о знаніи и понятіяхъ 449
3. Этика Сократа. Ученіе о добродѣтели 466
4. Ученіе о благѣ 473
5. Богословіе Сократа 487

П Р И Л О Ж Е Н І Е.

- О мистеріяхъ Самоеракин 505

ВВЕДЕНИЕ.

Настоящій трудъ представляетъ собою изложеніе элементарной метафизики въ той конкретной исторической формѣ, въ какой она была раскрыта философіей древнихъ грековъ.

Въ этой философіи человѣческая мысль совершила опредѣленный законченный кругъ развитія. Греческая метафизика является намъ какъ связанное органическое цѣлое. Изучая ее, мы усваиваемъ рядъ метафизическихъ положеній, которыя, при сравненіи съ послѣдующими открытіями умозрѣнія, являются основными и вмѣстѣ простѣйшими, элементарными.

Поэтому изученіе классической философіи лежитъ въ основаніи изученія философіи вообще, въ основаніи всякаго правильного философскаго образованія. Это школа, въ которой созрѣла европейская мысль и которую долженъ пройти всякій желающій философствовать, всякій, желающій объективно обсуждать и понимать современные, болѣе сложные вопросы и задачи умозрѣнія. Метафизикъ, вѣрующій въ объективность своей науки, долженъ доказать свое убѣжденіе на дѣлѣ, не начиная вѣчно сызнова, не нагромождая новыя построенія на плохо расчищенныхъ свѣжія развалины, но усвоивъ себѣ все положительное, сдѣланное до него. Если метафизика объективна, то слѣдуетъ доказать, что съ первыхъ же шаговъ своихъ она не была празднымъ, безсодержательнымъ умствованиемъ, но познавала сущую истину въ исторически необходимыхъ формахъ. Если метафизика объективна, то слѣдуетъ доказать, что тѣ многочисленныя противорѣчія, которыя отъ начала раздѣляли философовъ, были лишь моментами въ развитіи ея идей, необходимыми исторически и діалектически. Но въ такомъ случаѣ должно признать хотя бы тѣ общіе результаты, тѣ основные элементы или начала, которыя выяснились въ теченіе перваго, законченнаго періода ея развитія.

Сами противники метафизическаго умозрѣнія не могутъ ограничиваться одними нападками на различныя современныя ученія, на отрывочные результаты современной философіи, еще не подведшей итоговъ своего развитія. Они должны изучить элементы метафизики не въ той или другой случайной формѣ, въ которой они имъ представляются, но въ ихъ объективной исторической формѣ, какъ позитивныя данныя. Съ своей стороны мы твердо убѣждены, что отрицательное отношеніе къ философіи, большинство предразсудковъ противъ метафизики, равно какъ и непреодолимыя трудности въ ея пониманіи разсѣялись бы для многихъ вмѣстѣ съ усвоеніемъ тѣхъ началъ, которыя были положены древними и съ которыми столь тѣсно связаны всѣ послѣдующія построенія.

Исторія не знаетъ философіи безусловно позитивной, метафизики безусловно рациональной: предъ судомъ ея нѣтъ абсолютной системы. И вмѣстѣ съ тѣмъ, осуждая ограниченность и отвлеченность отдѣльныхъ ученій, восполняя ихъ другими, противоположными въ процессѣ діалектическаго развитія, исторія свидѣтельствуетъ о разумномъ, положительномъ содержаніи метафизики въ ея цѣломъ, о высшемъ, безотносительномъ значеніи философіи вообще. Кому извѣстны законы развитія идей, кому понятенъ методъ философіи, разумный ходъ ея, діалектика мысли человѣческой въ ея историческомъ развитіи, — тотъ яснѣ видитъ всеединую истину, изображаемую въ различныхъ историческихъ системахъ, тотъ не отрицаетъ ея за видимыя противорѣчія этихъ системъ, но понимаетъ смыслъ этихъ противорѣчій, этого многообразія, въ которомъ царитъ внутреннее согласіе. А для того, чтобы изучить законы историческаго движенія философской мысли, мы должны изучить эти движенія въ ихъ простѣйшемъ, наименѣе сложномъ видѣ, но въ законченномъ историческомъ циклѣ.

Поэтому греческая метафизика имѣетъ для насъ не отвлеченно-историческій, но философскій, догматическій интересъ. Первые главы метафизики были написаны греками; мы хотимъ изучить и усвоить себѣ ихъ положительное содержаніе. Во-вторыхъ, мы хотимъ изучить и то, какъ писалась эта метафизика, какъ она въ исторіи пишется, чтобы уяснить себѣ ея конкретную природу и понять, какимъ образомъ единая метафизическая истина можетъ и должна выражаться въ столькихъ различныхъ образахъ, въ такомъ множествѣ разнообраз-

ныхъ и часто противоположныхъ системъ, какимъ образомъ единство ея въ нихъ сохраняется.

Но прежде чѣмъ приступить къ такому изслѣдованію, мы хотимъ, въ возможно краткой формѣ, разобрать тѣ предубѣжденія и предразсудки противъ метафизики, которыя всего болѣе мѣшаютъ ея безпристрастному и основательному изученію,—тѣ аргументы, которыми ея противники слагаются доказать ея невозможность и тщетность.

I.

Всѣ аргументы противъ возможности метафизики могутъ быть раздѣлены на два класса: одни доказываютъ ея невозможность, а *priori*, другіе — а *posteriori*.

Невозможность метафизики доказывается а *priori* тѣми писателями, которые хотятъ убѣдить насъ, что самый предметъ ея, т.-е. область абсолютнаго, сверхъ-чувственнаго и сверхъопытнаго не существуетъ; или же тѣми, которые допускаютъ существованіе метафизической области, но отрицаютъ ея познаваемость.

Невозможность метафизики доказывается а *posteriori* „эмпирической психологіей“, или особаго рода теоріей человѣческаго разума, преимущественно развиваемой англійскими писателями, которые слагаются доказать, что все человѣческое знаніе чувственно, эмпирично, всецѣло обусловлено чувственнымъ опытомъ. Другого рода опытное доказательство противъ метафизики встрѣчается также въ нѣкоторыхъ тенденціозныхъ сочиненіяхъ по исторіи философіи, которыя стремятся доказать, что метафизики, какъ единой положительной области вѣдѣнія, никогда не существовало, что метафизика есть лишь совокупность разнородныхъ и противоположныхъ мнѣній и въ развитіи своемъ шла лишь къ саморазложенію и самоотрицанію. Подобное убѣжденіе выносится не только изъ чтенія тенденціозныхъ историческихъ сочиненій, но и вообще изъ поверхностнаго нефилософскаго знакомства съ исторіей философіи, изъ простаго чисто внѣшняго знакомства съ ея фактами.

Всѣ эти аргументы мы постараемся вкратцѣ рассмотреть. Отвѣтомъ на послѣдній изъ нихъ является начинаемый нами трудъ; ибо главная задача его заключается въ изслѣдованіи вопроса: имѣетъ ли метафизика чисто внѣшнюю исторію или же она имѣетъ и внутреннее значеніе, какъ цѣльный и объективный логическій процессъ человѣческой мысли въ позна-

ваніи истины? Философская исторія метафизики есть изображеніе, исторія этого внутренняго разумнаго процесса.

Почерпая въ такой исторіи глубокое убѣжденіе въ истинности и дѣйствительности метафизики, мы убѣждаемся въ совершенной несостоятельности направленныхъ противъ нея аргументовъ. Такое историческое доказательство есть, какъ мы полагаемъ, одно изъ самыхъ убѣдительныхъ. Большая часть скептическихъ аргументовъ падаетъ сама собою передъ историческимъ самораскрытіемъ метафизики. И недостаточно доказывать одну ея отвлеченную возможность, пока вся ея дѣйствительность, все ея прошедшее признается непрерывною сѣтью заблужденій и противорѣчій. Тѣмъ не менѣе, въ виду укоренившихся предразсудковъ, мы начинаемъ съ разбора отвлеченныхъ доказательствъ противъ возможности метафизики.

Разсмотримъ апріорные аргументы. Если мы отрицаемъ существованіе абсолютной истины или ея познаваемость — мы такъ или иначе сталкиваемся съ метафизическими сужденіями, замаскированными своей отрицательной формой. Отрицаніе абсолютнаго точно такъ же метафизично, какъ и его утвержденіе; а признаніе абсолютнаго непознаваемымъ предполагаетъ нѣкоторое (хотя бы весьма отвлеченное) изслѣдованіе его природы и его отношенія къ познающему разуму, — въ обоихъ случаяхъ трансцендентальное *метафизическое* изслѣдованіе. Пусть намъ докажутъ а priori, что абсолютнаго нѣтъ: подобное доказательство будетъ метафизично, хотя на мѣсто абсолютнаго положительнаго оно возведетъ отрицательную абсолютность, абсолютное отрицаніе. Безусловное можетъ отрицаться только безусловно, если оно вообще можетъ отрицаться, а потому всякое условное эмпирическое отрицаніе абсолютнаго — не имѣетъ силы. Пусть утверждаютъ намъ, что, есть ли абсолютное, или нѣтъ его, — оно непознаваемо; мы совершенно догматически и безусловно противопоставляемъ обратное утвержденіе: есть ли абсолютное, или нѣтъ его, т. е. положительно ли оно или отрицательно, — оно познаваемо.

Нѣтъ ничего абсолютнаго, все относительно; но *что* относится во всѣхъ отношеніяхъ и *къ чему*? *что* есть въ этихъ отношеніяхъ? Все условно; но *чѣмъ* обусловлено? Условное, относительное предполагаетъ безусловное, безотносительное. Условно и относительно то, что не имѣетъ бытія, дѣйстви-

тельности само по себѣ, а въ чемъ-либо другомъ; все условное, относительное существуетъ лишь постольку, поскольку есть это другое, которое даетъ ему бытіе и дѣйствительность. Сказать, что абсолютнаго нѣтъ, что дѣйствительность и бытіе принадлежить только условнымъ и относительнымъ вещамъ, которыя сами по себѣ не имѣютъ ни того, ни другого—значить отрицать всякое бытіе и дѣйствительность даже относительную, или непосредственно возводить условное, чувственное въ абсолютное.

Никто не можетъ мыслить отношенія безъ того, что относится, взаимодѣйствія безъ взаимодѣйствующихъ, актъ безъ дѣйствующаго агента, явленія безъ являющагося; ибо явленія суть отношенія и взаимодѣйствія. Если моему воспріятію доступны не самыя вещи, а только ихъ дѣйствія или отношенія, то я необходимо мыслю то, что лежитъ въ основаніи этихъ дѣйствій и отношеній, ихъ подлежащія или субъекты. Я воспринимаю вещь посредствомъ ея отношенія, дѣйствія на меня; я необходимымъ и всеобщимъ образомъ мыслю то, что является въ явленіи, дѣйствуетъ въ немъ, *есть* въ немъ. Это необходимое условіе всякаго сознанія какъ таковаго, условіе отъ котораго въ силу самой его всеобщности невозможно отречься. Оно постоянно пребываетъ, постоянно предполагается и потому самому столь мало сознается, какъ движеніе крови, безъ котораго нѣтъ жизни, какъ дѣятельность мускуловъ, безъ которой нѣтъ движенія — и которая также не сознается нами при нормальныхъ условіяхъ. При извѣстномъ отвлеченіи, при анализѣ явленій нашего сознанія мы находимъ въ немъ тотъ общій факторъ, общій законъ, о которомъ идетъ рѣчь и который а priori обуславливаетъ всякое воспріятіе. Тѣ, кто считаютъ „относительность“ верховнымъ закономъ явленій, должны признать, что и въ своемъ цѣломъ явленія, т.-е. представленія, не абсолютны, что они обусловлены чѣмъ-то лежащимъ за ихъ предѣломъ. Мало того, каждое явленіе, какъ отношеніе или дѣйствіе, въ силу самаго закона относительности необходимо предполагаетъ нѣчто относящееся, являющееся, и такимъ образомъ, сознаніе человѣческое въ каждомъ отношеніи какъ бы выходитъ изъ себя въ метафизическую область, въ каждомъ явленіи вступаетъ въ отношеніе съ тѣмъ, что является. Только на этомъ зиждется истинная и вселенская непоколебимая вѣра въ реальность міра, въ реальность всего сущаго; ибо безъ